

Он продолжил идти вперед, пробираясь сквозь шумную толпу, и подошел к входу в огромный торговый центр, чьи стеклянные стены сверкали на солнце. У входа стоял ряд скамеек для отдыха. Чи Сяньчуань подошел, нашел свободное место и сел. Он слегка откинулся назад, прислонившись к спинке, и закрыл глаза, словно и вправду пытаясь прочувствовать эту «человеческую ауру» в оживленном месте... или, может быть... спрятаться от суеты?

Однако покой длился недолго. Рядом две модно одетые девушки, похожие на студенток, сгрудились над телефоном, и до него донеслась их оживленная болтовня.

— Ух ты! Ты видела нарезку из прямой трансляции Ваньэр позавчера ночью? Это было жутко! Она сказала, что в том старом особняке с внутренним двором и правда что-то есть!

— Да, видела! Она сказала, что как только вошла, сразу почувствовала леденящий ветер, а еще странный плач! Камера даже засняла белую тень! Хотя и размыто, но реально страшно!

— Ага! И эмоции у Ваньэр такие живые, казалось, она вот-вот расплачется от страха! Не похоже на игру!

— Вот именно! Она сказала, что в том доме раньше умерло много людей и там очень сильная аура обиды! Какая же Ваньэр смелая, решилась пойти туда одна!

Чи Сяньчуань медленно открыл глаза, которые были закрыты, и покосился на экран телефона девушек. На экране была ведущая прямой трансляции с изысканным макияжем и миловидным лицом, которая красочно описывала что-то на фоне, похожее, темного старого дома. Несмотря на разделяющий их экран и фильтры красоты, его пронизательные глаза с первого взгляда уловили в глубине взгляда ведущей нотку... слишком наигранного испуга и трудноописуемую, скрытую за актерской игрой странную ауру, словно какую-то сдержанную угрозу. Особенно когда она произнесла такие слова, как «цикада сбрасывает панцирь» и «императорские похороны», в глубине ее глаз промелькнула странная искорка.

Ведущая на экране играла несколько утрированно, но в глубине взгляда таилась едва уловимая холодность и... искушение? Чи Сяньчуань приподнял бровь и небрежно бросил:

— Цок, как же развит сейчас интернет, чего только не увидишь — и богов, и чертей.

Девушки, чье увлечение прервали, недовольно обернулись. Но когда они разглядели лицо Чи Сяньчуаня, чистое и неземное, недовольство мгновенно сменилось восхищением и любопытством.

— Ого, красавчик! — глаза одной из девушек, с короткой стрижкой, загорелись, и она оживленно заговорила, — Ты тоже интересуешься такими паранормальными явлениями? Мы смотрим нарезки стримов Ваньэр-тян, это очень интересно! Ее зову Су Ваньэр, фанаты зовут ее Ваньэр-тян, она специализируется на исследовании всяких проклятых домов и паранормальных явлений. Хочешь, тоже подпишись?

Чи Сяньчуань лениво приподнял веки, взглянул на них, на его губах заиграла полуулыбка, и он неторопливо произнес:

— Интересоваться всем подряд может только навредить самому себе. — Он сделал паузу, окинув их лица беглым, небрежным взглядом. — Впрочем, я смотрю на вас обеих... Хм, печать между бровей у вас немного темновата, с налетом беды. В ближайшие пару дней, особенно после захода солнца, лучше не ходите поодиночке по безлюдным дорогам.

Девушки опешили, улыбки на их лицах застыли.

Чи Сяньчуань, словно не замечая смены их выражения, продолжил своим особенным, ленивым, но не терпящим возражений тоном:

— А может... купите по два амулета для защиты? Двести юаней за штуку, честно и без обмана, для защиты и отогнания нечисти. — С этими словами он, как заправский торговец, достал из своей старой, но чисто выстиранной холщовой сумки две сложенные желтые бумажные полоски с нанесенными на них киноварью замысловатыми заклинаниями.

Лица девушек мгновенно сменили цвет с красного на белый, а затем с белого на зеленый. От недавнего восхищения и любопытства не осталось и следа, их сменила оскорбленная злость.

— Ты... да как ты можешь! — девушка с короткой стрижкой вскочила, надувшись. — Мы с тобой по-доброму поделились, а ты нас проклинаешь!

— Вот именно! Псих! И еще амулеты продает! Сразу видно — мошенник! — другая девушка, с длинными волосами, тоже встала, потащив подругу за собой, с презрением глядя на него. — Внешность приличная, а оказался шарлатаном! Какая гадость!

Обе, тихо ворча, быстро покинули зону скамеек, словно убегая от какой-то заразы.

Чи Сяньчуань смотрел им вслед с безразличным видом, пожал плечами и пробормотал:

— Цок, доброту приняли за злобу. В наше время правду никто слушать не хочет. — Он снова откинулся на спинку скамейки, готовясь продолжить омовение в «человеческой ауре».

Чи Сяньчуань не придавал этому значения, небрежно сунул два амулета обратно в карман, словно ничего и не произошло. Он даже вальяжно закинул ногу на ногу и уже собирался закрыть глаза, как услышал:

— Открытое распространение суеверий в общественном месте и мошенничество, пользующееся чужим страхом, согласно соответствующим статьям «Закона об административных наказаниях» и «Уголовного кодекса», карается арестом и штрафом.

Услышав это, Чи Сяньчуань лениво повернул голову.

В нескольких шагах от него стоял чрезвычайно высокий мужчина. Ростом, на глаз, за метр восемьдесят пять, широкоплечий, длинноногий, одетый в идеально скроенный светло-серый повседневный костюм, который подчеркивал его осиную талию и спину, а пропорции тела

были совершенны, словно у статуи. Его лицо было красивым до резкости, с высокой переносицей, тонко сжатыми губами и четкой линией подбородка. Но самыми примечательными были его глаза — глубокие, как ледяной омут, холодно и остро оценивающие Чи Сяньчуаня. Во взгляде читалась неприкрытая оценка и толика... отвращения? Словно перед ним была какая-то нечисть.

Это и был Лу Пинчжоу. Сегодня у него был редкий выходной, и друг и коллега — Линь Чжияуань, доцент кафедры химии Столичного университета — практически силком вытащил его помочь закупить партию срочно необходимого лабораторного оборудования. Линь Чжияуань пошел парковаться на подземную стоянку, а Лу Пинчжоу, которому надоело ждать в машине, поднялся наверх, чтобы подышать воздухом у входа в торговый центр, и стал свидетелем только что произошедшей сцены.

Чи Сяньчуань, разглядев вошедшего, едва заметно удивился в глубине глаз, но это тут же сменилось еще более сильной ленью и насмешливым интересом. Он не только не испугался напора и слов собеседника, но, наоборот, словно нашел что-то забавное, и его рассеянная улыбка стала шире.

— Этот... господин, — неторопливо начал Чи Сяньчуань, голос у него был чистый, с раздражающе-ленивыми нотками. — Еду можно есть без разбора, а слова так бросать нельзя. С какой это стати я мошенничаю? Я же просто, видя, что у нас с ними есть кармическая связь, по-доброму предупредил? «Лучше верить в существование, чем отрицать возможность» — слова предков не лишены смысла. К тому же, — он качнул головой, и пряди волос на лбу качнулись вместе с ней, — я что, заставлял их покупать? Нет ведь? «Если сделка не состоялась, добрые отношения остаются». Верно?

Он слегка подался вперед, его красивые миндалевидные глаза моргнули, в них мелькнула хитринка:

— Я смотрю, господин... у вас лоб полный, а подбородок круглый — это признак богатства и знатности. Но вот беда — между бровями скрытая складка-игла, указывает на беспокойство и излишнюю задумчивость, застой ци в печени. Если так продолжится, грозит бессонница, тревожные сны и повышение давления. А может... и вам парочку амулетов? Очистят сердце и успокоят дух, разгонят печеночный застой, эффект превосходный! Учитывая вашу представительную внешность, сделаю скидку — триста восемьдесят восемь за две штуки. Как?

Лу Пинчжоу от этой нелепой аргументации и легкомысленного поведения собеседника нахмурился еще сильнее. Он никогда не встречал такого наглого, бесстыдного и при этом самоуверенного шарлатана! Особенно его глаза — вроде ясные и чистые, но в них сквозит какое-то циничное безделье, что просто бесило.

— Абсурд! — голос Лу Пинчжоу стал холоднее, в нем появилась свойственная ученым педантичность и непоколебимость. — В эпоху торжества науки вы еще верите в эту чепуху? Ваши действия уже подпадают под статью. Если будете продолжать в том же духе, я не постесняюсь вызвать полицию. — Его тон был полон непререкаемой властности, свойственной ученым и людям, стоящим выше других.

— Пинчжоу! Что случилось? С кем ты разговариваешь? — мягкий голос прервал предупреждение Лу Пинчжоу.

К ним подбежал мужчина в клетчатой рубашке и черных очках, с виду довольно интеллигентный, лет тридцати. Это и был Линь Чжиюань, доцент кафедры химии Столичного университета и друг Лу Пинчжоу. Он только что припарковался и, выйдя со стоянки, увидел, как его друг противостоит какому-то невероятно красивому молодому человеку, и атмосфера, похоже, накалялась.

Подбежав поближе, Линь Чжиюань посмотрел на недовольного Лу Пинчжоу, затем на неправдоподобно красивого, но с несколько развязными манерами юношу на скамейке и поспешил разрядить обстановку:

— Что случилось? Давайте разберемся мирно. Пинчжоу, это...?

Лу Пинчжоу глубоко вздохнул, сдерживая гнев, и холодно бросил:

— Мошенник, который на публике распространяет суеверия и продает бумажные амулеты.

Линь Чжиюань, услышав это, с любопытством посмотрел на Чи Сяньчуаня, в его глазах мелькнуло восхищение. Однако Чи Сяньчуань, ничуть не смутившись обвинениями Лу Пинчжоу, перевел взгляд на Линь Чжиюаня и окинул его заинтересованным взглядом.

— Мошенник? — Чи Сяньчуань тихо рассмеялся, продолжая смотреть на Линь Чжиюаня, но обращаясь к Лу Пинчжоу. — Господин, не стоит быть таким категоричным. То, что не может объяснить наука, вовсе не означает, что этого не существует. Как, например, ваш друг...

Он вдруг указал на Линь Чжиюаня и уверенно произнес:

— Последнее время плохо спите? Часто чувствуете беспокойство на душе? В вашем доме неладно в юго-западном секторе? Скажем, подтекает водопроводная труба без причины, или электроприборы коротят? И это... влияет на сон?

Линь Чжиюаня словно окатили ледяной водой. Краска мгновенно схлынула с его лица, глаза расширились от изумления, губы задрожали:

— Ты... откуда ты знаешь?!

Он жил в элитном комплексе на западе города, и в последние полмесяца в его квартире и правда творилось что-то странное. Сначала в ванной главной спальни ночью сам по себе капал кран из раковины, чинили несколько раз — без толку. Потом настольная лампа в кабинете начала мигать сама по себе. Но больше всего его беспокоило то, что он, всегда отличавшийся отменным сном, теперь постоянно просыпался среди ночи от беспричинного страха, ему казалось, что в комнате кто-то есть, сердце колотилось. Он обращался в управляющую компанию, проверял проводку и трубы, даже тайком приглашал специалиста по фэн-шуй — все безрезультатно. Он даже Лу Пинчжоу рассказывал об этом лишь в общих чертах, упомянув

только про плохой сон.

Лу Пинчжоу тоже опешил. В его остром взгляде за стеклами очков мелькнуло сомнение. Он действительно слышал от друга, что у того неладно дома, но тот никогда никому об этом не рассказывал!

Этот юноша с первого взгляда все понял?! И так точно!

Чи Сяньчуань мягко улыбнулся, с видом глубокой таинственности:

— Ци взаимодействует сама, есть своя индукция. Юго-запад относится к сектору Кунь, отвечает за покой в доме. Если этот сектор нестабилен, то и в доме беспокойно, и на душе тревожно. — Он не спеша снова достал из кармана те же два желтых амулета. — Это «амулет успокоения дома и стабилизации духа».

Линь Чжияуань почувствовал себя не по себе от его взгляда, вспомнил, что в последнее время действительно был не в духе и не мог продуктивно работать, и холодок пробежал у него по спине. Он почти бессознательно выпалил:

— А... а этот амулет...

— Проще простого, — Чи Сяньчуань, улыбаясь, протянул амулеты. — Один приклейте в юго-западной части дома, в спальне или юго-западном углу гостиной, второй положите под подушку. Он стабилизирует ци дома и успокоит дух. Через три дня я гарантирую, что вы будете спать, как младенец, без снов и потрясений. С вас четыреста юаней.

— Четыреста? — Лу Пинчжоу чуть не расхохотался от такой наглости. Он перехватил руку Линь Чжияуаня, который уже полез за кошельком. — Чжияуань, это стопроцентное совпадение или он каким-то образом разузнал. Это типичное психологическое манипулирование и мошенничество.

— Пинчжоу... — Линь Чжияуань колебался. Странности дома были слишком реальны, к тому же он уже несколько дней не спал нормально, его мучили кошмары или он просыпался от странных звуков. Ему хотелось верить. К тому же, этот юноша с первого взгляда рассказал ему то, о чем он никогда никому не говорил, — о странностях в расположении дома. Было в этом что-то... потустороннее.

— Мошенничество или нет, мы узнаем через три дня, — невозмутимо ответил Чи Сяньчуань. — Если эффекта не будет, можете смело приходить ко мне с полицией и требовать деньги обратно. Я — Чи Сяньчуань из храма на Лунном Ручье в горах Фэнлиншань, всегда к вашим услугам. Но! — он сменил тон, посмотрел на Лу Пинчжоу, и его улыбка стала вызывающей. — Уважаемый господин блюститель справедливости, чернота у вас на лбу куда гуще, чем у вашего друга. В последнее время, поди, не ладится, на душе кошки скребут, и злость накопилась? Особенно когда встречаете таких «мошенников», как я? Смотрите, огонь в печени разгорится сильнее — себе навредите. Не хотите тоже один? Очистит сердце и успокоит, от всех болезней. Вам скидку сделаю, за пятьсот отдам.

— Ты! — Лу Пинчжоу от этой наглой физиономии аж вздыбило грудь. Его воспитание позволяло ему сдерживаться, чтобы не выругаться матом, но взгляд уже стал холоднее льда. Он никогда не встречал такого бесстыдно-наглого и непробиваемого человека!

— Я беру! Я беру! — испугавшись, что друг и правда полезет в драку, и измученный этими странностями, Линь Чжиюань поспешно достал бумажник, вытащил четыре красные банкноты и всучил их Чи Сяньчуаню, после чего схватил два амулета и бережно, словно соломинку для утопающего... убрал их в нагрудный карман своей рубашки.

Чи Сяньчуань довольно пересчитал купюры, проверил их на свет, небрежно сунул в карман брюк и просиял убийственной для Лу Пинчжоу невыносимо-счастливой улыбкой:

— Спасибо, этот... кармический друг. Помните — «искренность творит чудеса».

Лу Пинчжоу, наблюдая за этой последовательной операцией друга, затем за этими четырьмя вопиюще-яркими купюрами в руке Чи Сяньчуаня и за его расслабленной улыбкой с выражением «Ну вот, я же говорил — кармический друг», почувствовал, как волна гнева ударила в голову, а виски запульсировали.

Ему казалось, что его давление действительно могло подскочить.

— Пошли, Чжиюань. — Лу Пинчжоу, схватив все еще благодарившего Чи Сяньчуаня Линь Чжиюаня, резко бросил, ледяным от злости голосом, и силком потащил его из зоны скамеек. Он боялся, что если останется здесь еще на минуту, то не сдержится и сделает нечто, не подобающее его статусу «профессора Лу».

Лу Пинчжоу чувствовал, как в груди застрял комок раздражения. Особенно когда он увидел, как его друг Линь Чжиюань рефлекторно потрогал место на груди, куда убрал амулет, с выражением «авось поможет» — он находил это до безумия абсурдным!

И все же, поворачиваясь, его взгляд невольно скользнул в сторону Чи Сяньчуаня. В глубине его очей, помимо гнева, появилась еще и трудноописуемая задумчивость и... та, которую он сам еще не осознавал, серьезность. Неужели это тот самый Чи Сяньчуань, о котором говорил Фан Шуй? Этот молодой уличный колдун... или даос? Было ли это совпадением? Или... в нем действительно было что-то странное?

Чи Сяньчуань, глядя на удаляющиеся спины, особенно на прямую, но явно злую спину Лу Пинчжоу, с удовольствием присвистнул и аккуратно убрал свои четыреста юаней.

— Готово. На киноварь деньги есть, да и куриную ножку можно добавить, — проговорил он, взвешивая в руке купюры. — Однако... та штука у того человека дома — занятная. И та ведущая стримов Ваньэр-тян... Раз она, будучи опутанной иньским проклятием, без последствий разгуливает по проклятым домам — это уже интересно.

Он поднял голову и посмотрел на огромное стекло торгового центра, в котором отражалась оживленная улица и его собственная смутная фигура. В его миндалевидных глазах исчезла прежняя лень и рассеянность, мелькнул легкий, задумчивый блеск.

А в это время, на другом конце города, в одной роскошно обставленной квартире. Су Ваньэр (Ваньэр-тян) выключила камеру прямой трансляции, ее милая улыбка мгновенно исчезла, сменившись ледяным спокойствием. Она открыла зашифрованное приложение для переписки. Там было только одно новое сообщение от «Хранителя тайн»: «Новый товар готов, обычное место, заberi скорее».

Она тонкими пальцами отстучала ответ: «Принято. Как продвигается отбор „материала“ номер два? „Цикада“ торопит».

Вскоре пришел ответ: «Есть зацепка. „Янское тело, чистая инь“, год рождения у-у, женщина. Информацию скину позже».

Су Ваньэр посмотрела на экран, уголки ее губ изогнулись в холодную и жуткую улыбку, а в глазах зажегся фанатичный блеск.

<http://bllate.org/book/18779/1822045>